

На следующее утро Иккинг был грубо разбужен Задиракой и Рыбой в неурочный, по его мнению, час. Он ненавидел, ненавидел просыпаться так рано. Годы сна до тех пор, пока солнце не поднимется высоко в небо, превратились в дурную привычку, и, честно говоря, он винил в этом эльфов и Беззубика. "ИККИНГ! Проснись!" - крикнул Задирака, и вслед за этим раздалось лязг, лязг, лязг: "Начальник хочет видеть тебя на источниках!"

"Я проснулся! Прекрати шуметь!" Иккинг наполовину вскрикнул от досады, а Задирака поднял голову от камня, о который он бился головой в шлеме, и на его лице появилась злобная ухмылка. Фиш выглядел слегка смущенным из-за глупости своего друга.

Пара сделала несколько шагов назад, когда Беззубик расправил свои массивные крылья, а Иккинг вышел на утреннее солнце и прищурился. Рыбка протянула кожаный мешочек, Иккинг взял его и заглянул внутрь. В нем лежал брусок щелочного мыла и дорогая расческа из тонкой кости. "Спасибо, - ответил Иккинг большому викингу, его голос был глубоким и баритональным со сна.

"Не стоит благодарности, Иккинг, - весело ответил Фиш, - это мой подарок тебе в память о нашем детстве". Он решил, что лучше не говорить Иккингу, что это от него, а не от его отца, - он не знал, достаточно ли наладились их отношения для этого. Лучше не рисковать.

Иккинг подошел к седлу Беззубика, отброшенному большим черным драконом, и достал шелковую простыню, положил ее, а также мыло и расческу в небольшую дорожную сумку, после чего присоединился к Рыбе и Задираке и позволил им вести его, куда нужно. "Веселись, Иккинг, - поддразнил Беззубик, снова рассмеявшись своим драконьим смехом. Его всадник только покачал головой.

"Зачем он так шумит?" задумчиво спросила Рыбка.

"Он смеется", - быстро ответил Иккинг, все еще недостаточно проснувшийся, чтобы общаться с людьми. Он не мог понять, как оба его проводника работают так хорошо в столь ранний срок. Рыбка выглядела изумленной при мысли о том, что дракон может смеяться.

Через некоторое время троица вышла на поляну, где встретила Астрид и Задираку, которые вели женщин на ту же поляну. Стоик, Вредина Жирный, Снот и Готти уже были на поляне. Рядом с Готти стояла овчарка Хезер, чьи глаза опустились на землю, как только Иккинг вошел на поляну. "Нам в Берке повезло, что у нас круглый год есть вода с естественным подогревом, - объяснил Стоик собравшимся, - даже зимой каждый может с удовольствием искупаться в горячей воде. Мужчины купаются в северных источниках, а женщины - в южных.

Мужчины и женщины разделились на две группы и отправились в разные стороны. После бодрой десятиминутной прогулки Иккинг и остальные мужчины пришли к нескольким большим бассейнам с парящей водой. Несколько викингов быстро разделись и прыгнули в бассейны, посылая большие волны обжигающей воды в тех, кто стоял на берегу. Иккинг увернулся от одной из таких волн и направился к самому дальнему от остальных бассейну, на ходу расстегивая пуговицы на своей зеленой тунике с длинными рукавами. Когда он

остановился, чтобы расстегнуть пояс на бриджах, то заметил, что более видные члены сбора решили присоединиться к нему у источника. "Просто замечательно", - с сарказмом подумал он. Иккинг почувствовал, как дракон радуется его неловкости.

Представители племени разделись и с грацией скользнули в бассейн, в отличие от некоторых других присутствующих викингов. У них была репутация, которую нужно было поддерживать. Вздыхнув и смирившись со своей участью, Иккинг сбросил тунику и бриджи и быстро прыгнул в бассейн. Реакция представителя была именно такой, какой он ожидал. "Борода Одина, парень! Какой шрам!" - присвистнул вождь Могадон, пока остальные, включая его отца, Вредину Жирного и Снота, осматривали обнаженную грудь Иккинга.

От правой руки Иккинга, вокруг руки и плеча, вниз по груди, вокруг талии и вниз по ноге до левой ступни тянулся толстый шрам. Он был темно-розового цвета и контрастировал с его бледной кожей, а само тело шрама было толстым и извилистым, как большая змея. Ветви разветвлялись в произвольных местах и были похожи на мертвые деревья без листьев.

"Откуда у тебя это? Это не похоже ни на что, что я видел раньше..." с трепетом спросила Вредина Жирная.

Иккинг криво улыбнулся их открытому благоговению: "Немного поспорил с Тором", - загадочно ответил он, и Беззубик рассмеялся над иронией его объяснения. Осознание этого факта обрушилось на собравшихся викингов как удар кирпича, и их благоговение перешло в шок. "Полет связан с определенным риском", - добавил он, когда никто больше не заговорил.

"Каково это?" спросил Снот, к отвращению и удивлению Иккинга; он не думал, что Снот любил его на Берке. С этим можно было согласиться.

"Ничего, - ответил Иккинг после минутного раздумья, - боль настолько сильна, что ты больше ничего не чувствуешь, ни земли под тобой, ни неба над головой. Ни себя, ни людей, ни мыслей, ни эмоций, ни чувств, только боль. Она длится всего секунду, но эта секунда длится вечность, целую жизнь страданий. Боль стирает все остальное.

Вождь Аг ворчал: "По крайней мере, твой мальчик сделан из крепкого материала, Стоик. Из него выйдет отличный вождь, не многие могут сказать, что пережили гнев самого Тора". Остальные высказали аналогичные замечания.

Снот хмурился и изо всех сил старался не замечать похвалы Иккинга: ему не нравилось, как все относится к Бесполезному после его возвращения. Он убил всего одного дракона, тогда как раньше убивал десятки, и они должны были петь ему дифирамбы, а не Иккингу.

Группа погрузилась в приятную беседу и дружелюбное молчание, продолжая купаться. Иккинг поплелся к берегу, чтобы забрать свою одежду и постирать ее. Хотя это было больно, ему не нравилось, что в обществе викингов женщины выполняли всю мужскую работу по дому. Он больше привык к равенству в эльфийском обществе.

Подойдя к берегу, он услышал легкий шорох в кустах прямо перед собой, и его взгляд метнулся туда. Он стоял неподвижно, пристально наблюдая за происходящим. Его обостренное зрение легко проникало сквозь тени леса. Постояв несколько мгновений, он отнес одежду в воду и принялся отстирывать ее щелочным мылом, которое дала ему Рыбка.

За деревом прятались обнаженные Ками, Забияка и Забияка. У всех троих сердце билось в груди. Хикс почти заметил их. Если бы их застали за разглядыванием купающихся мужчин, им бы это с рук не сошло. "Ну же, идиоты!" шепотом крикнула Астрид, когда они крались обратно в лес. Когда они оказались вне пределов слышимости и уже возвращались к своим источникам, она отругала их: "Ну почему вы, идиоты, так убежали? А если бы вас поймали? Я бы разделила ваш позор, если бы меня послали только вернуть вас!"

"Ты не жаловался, когда мы пришли, - кротко сказала Забияка, - к тому же! Ты видел этот шрам? Это, должно быть, лучший шрам в Берке, без сомнения. Осталось только лишиться нескольких конечностей, и он станет самым суровым викингом!" Она закончила свою тираду, безумно хохоча. Астрид вздохнула, не понимая, как ее подруга может быть настолько одержима болью и боевыми ранами. Астрид взглянула на молчаливую наследницу Болотных Грабителей, ее губы слегка изогнулись в застенчивой улыбке, а глаза заблестели.

Трио молодых женщин вышло из леса к южным источникам. Остальные уже закончили купаться и теперь перестирывали горы одежды в огромных корзинах. Астрид вздохнула и отправилась помогать старшей Готти со стиркой, оставив двух идиотов на произвол судьбы. Задираку отругала одна из деревенских матрон за то, что он убежал в лес. Ками присоединилась к матери, пока она и другие болотные грабители стирали свою одежду.

День предстоял долгий.